

Владимир САПОЖНИКОВ — доктор медицинских наук, заведующий кафедрой педиатрии Тульского государственного университета. Действительный член нескольких международных и российских академий наук, член Союза писателей России, автор 27 книг прозы и поэзии. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XIX век» и других. Лауреат литературных премий.

Нетолерашн

Иван Петрович оказался в Ницце на вторые сутки после теракта, потрясшего не только Францию, но и весь цивилизованный мир: когда обезумевший трансвестит из Северной Африки передал грузовиком на Английской набережной кучу отдохавших европейцев, не пощадив ни детей, ни женщин, ни стариков...

Небольшая группа русских туристов, в состав которой входил и год тому назад ставший пенсионером, но продолжающий работать профессор медицины Иван Петрович Семёнов, разместились на несколько дней в отеле на второй линии — улице, проходящей параллельно Английской набережной, метрах в пятистах от неё и усеянного крупной галькой знаменитого морского пляжа.

Конечно, страшная новость за день до вылета потрясла Семёнова и почти разрушила ожидание большого праздника, которым он жил все последние недели. Неравнодушный к русской классике и истории, Иван Петрович уже много лет мечтал посетить бывшую творческую Мекку, погулять по улицам, по которым бродили, восхищаясь красотами Французской Ривьеры, великие поэты и романисты Лермонтов и Тургенев, Бунин и Герцен, где восторженный друг Пушкина Вильгельм Кюхельбекер торопливо записывал в дорожную тетрадь:

Был и я в стране чудесной,
Там, куда мечты летят,
Где среди синевы небесной
Ненасытный бродит взгляд...

Позже ему вторил Гоголь: «Ницца — рай; солнце, как масло, ложится на всё. Спокойствие совершенное. Я продолжаю работать, т.е. набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание "Мёртвых душ"».

Две зимы прожил в Ницце Чехов, который считал здешний климат, атмосферу южного курорта и доброе отношение лёгких в общении и весёлых нравом французов просто целебными для своего здоровья.

Прикрыв глаза, Иван Петрович представлял статных мужчин во фраках и мундирах под руку с утончёнными царственными дамами в шляпках и нарядных туалетах, взвизгивающих на красоту морских закатов и беседующих, помимо всего прочего, ещё и о судьбах своего северного Отечества. А как же иначе, ведь в Ницце в XIX веке отдыхал практически весь императорский дом России и цвет её аристократии, науки и искусства — здесь они знакомились со своими будущими супругами, влюблялись, умирали, строили православные храмы в память о близких, оставляли свои русские имена в названиях улиц, площадей и скверов. На этой земле многие из них, когда Россия на изломе века вдруг обернулась мачехой, обрели себе второй родной дом, а потом и нашли вечное пристанище...

Ивану Петровичу так хотелось трепетно прикоснуться ко всему этому, но дикий случай на набережной... «Впрочем, — утешал он себя, — хорошо, что не прилетели днём раньше. А то бы, возможно, теперь горевали о нас...».

Устроившись в гостинице и пытаясь отогнать невесёлые мысли, Семёнов решил прогуляться по ближним окрестностям города.

Уже начало темнеть, когда он медленным шагом стал спускаться вниз — к едва слышному вдалеке морю. Многоэтажные каменные дома с мрачными, закрытыми

металлическими решётками окнами и неприветливыми подъездами густо нависали над неширокой улицей.

По пути встречались прохожие — в основном молодые, неопрятно одетые, громко о чём-то галдящие выходцы из Африки. Среди них лишь изредка попадались французы и француженки — явно неуверенные в себе, обеспокоенные, все как один — с безрадостными лицами.

Такая прогулка не прибавила аппетита, тем не менее Семёнов всё же решил зайти в ближайшее кафе и поужинать — не ложиться же спать голодным.

Через приоткрытую дверь он попал в тесное помещение, плотно заставленное столами и стульями. В плохо освещённом заведении стоял затхлый запах, ощутимо несло какой-то кислой гнилью. Однако многочисленные посетители равнодушно и вяло жевали подгорелые куски какой-то непривлекательной на вид пищи.

Подбежавший и развязно улыбающийся, а скорее — ухмыляющийся официант арабской внешности что-то произнёс по-французски. Иван Петрович не знал французского, поэтому ответил по-немецки. Официант сразу всё понял, закивал барашисто кучерявой и маслянисто блестящей, видимо давно не мытой, шевелюрой:

— О, рашен, рашен!
Что будет ест?!

Но Иван Петрович, которого стало уже подташнивать от атмосферы заведения, отмахнулся от официанта и поспешил к выходу, решив, что в таком месте он есть никогда не станет.

Однако и несколько следующих «кафе», густо натянутых в первые этажи зданий, куда он заглядывал, оказались такими же грязными африканскими забегаловками. Семёнов понял, что остаётся только один выход — купить что-нибудь в ближайшем супермаркете и потом перекусить у себя в номере в отеле. Тем более, что на пути как раз возник такой продовольственный маркет.

В плохо освещённом помещении магазина было достаточно многолюдно. Среди длинных полок, заставленных упаковками сыров, молочных и мясных продуктов, банок с консервами в дальнем углу находился хлебный отдел, с которого Семёнов и решил начать покупки.

И вовремя. Как раз в этот момент работник маркета внёс через служебную дверь большую корзину, заполненную свежеспечённым хлебом.

Посетители тут же аккуратно выстроились друг за другом в очередь. Ароматный запах знаменитых горячих французских багетов приятно защекотал ноздри Ивана Петровича, дав знать, что жизнь всё-таки продолжается. Он тоже встал в очередь за пожилой со вкусом одетой француженкой с крашенными в тёмно-рыжий цвет волосами. Люди впереди Семёнова, особо не копясь, брали по одному багету, и очередь споро двигалась вперёд.

До корзины Ивану Петровичу оставалось человек пять-шесть, когда в торговый зал вдруг шумно вошли, почти вбежали два араба — один чуть постарше, другой помоложе — с лицами, заросшими одинаково нечесаными, торчащими в разные стороны бородами. Они что-то прокричали друг другу на своём языке и, проследовав в самое начало очереди, грубо и бесцеремонно оттеснили передних покупателей-французов от корзины с хлебом. А затем, нагло ухмыляясь и всё так же переговариваясь между собой, словно не замечая застывших в немой сцене людей, подхватили всю корзину и потащили её к кассе у выхода. Интересно, что при этом никто из стоящих в очереди французов никак не возразил наглецам, толерантно «утершись» случившимся.

Не выдержал только один Семёнов, не привыкший к такому хамству. Он ухватил одной рукой край корзины с хлебом и потянул её назад, а другую руку опустил на плечо наглого араба. И произнёс по-русски:

— Стоп, вы здесь не одни! Осади-ка, приятель!

теперь уже жалобно молил по-арабски, видимо, просил отпустить заломленную руку.

Но в это время второй наглец, забежав сзади и замахнувшись, попытался ударить Семёнова кулаком в голову. Боковым зрением Иван Петрович заметил это движение и, вовремя наклонившись, увернулся от удара, одновременно нанеся встречный правый в переносицу противника. Тот с поехавшей набок физиономией рухнул рядом со своим стонущим от боли напарником.

Поднявшись с колена, Семёнов ухватил обоих арабов за бороды, выволок к выходу из супермаркета и, дав по очереди каждому под зад, выпнул на улицу. Автоматические двери входа в супермаркет мягко и толерантно захлопнулись.

Иван Петрович отряхнул ладони и вернулся на своё место в очередь к корзине. Крашенная в рыжий цвет француженка — та, что стояла перед ним, в знак солидарности и восхищения подняла вверх большую палец и что-то восторженно произнесла на родном языке, из чего Семёнов

Владимир САПОЖНИКОВ
Рассказ

Араб от неожиданности не удержал корзину, она по инерции подалась назад и оказалась в руках Ивана Петровича. Он тут же возвратил корзину на место и предельно растерянно и безучастно наблюдал за всей этой сценой французам:

— Прошу, господа, разбирайте хлеб!

В этот момент чья-то рука ухватила сзади правое плечо Семёнова. Он обернулся — старший из арабов, зло в него вцепившись, что-то визгливо кричал на непонятном наречии, брызгая слюной и бешено вращая тёмно-карими глазами.

Иван Петрович невольно вспомнил приём, с помощью которого можно было освободить плечо и повергнуть соперника на землю болевым захватом, чему его когда-то в далёкой юности, во времена службы в морской пехоте на Балтфлоте, хорошо обучил тренер по рукопашному бою.

Спустя мгновение распростёртый и жёстко придавленный коленом нападавший, лёжа лицом вниз на полу, о чём-то

понял только два слова: «Рашен... мерси!.. рашен...».

Следом он поймал на себе ещё один-два восхищённых женских взгляда, ну а мужчины стояли в очереди, дружно опустив глаза вниз.

— Да, рашен, — с усмешкой, кивнул всем не владеющий языком Иван Петрович. — Рашен, нетолерашен! Извините, не сдержался, но что-то эти ребята у вас совсем распоясались...

Выбрав багет с хрустящей корочкой, захватив колбасную нарезку, упаковку сыра и бутылку вина, расплатившись за всё это на кассе, Семёнов вышел из супермаркета.

На улице с неубранным то тут, то там мусором и валяющимися окурками было пустынно. Размышляя о последствиях беспредельной толерантности коренных жителей Франции и вздыхая по прошлым временам, Иван Петрович побрёл к себе в отель по мрачным улицам, казалось, вымирающей Ниццы.